

ИЗ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ ПРИМЕЧАНИЙ К ЛЕКСИКЕ РЯЗАНСКИХ ГОВОРОВ

Объектом специального этимологического обследования может быть лексика группы говоров или, как уже писала об этом Ж. Ж. Варбот¹, одного конкретного говора. Такая ориентация в выборе материала по отношению к русским говорам полезна прежде всего (но не только!) в связи с задачей реконструкции праславянского словаря, поскольку, как выявляется в процессе работы над ЭССЯ, огромность территории, занимаемой русским языком, «позволяет говорить о праславянском фонде одной области»², где сохраняются как уникальные реликтовые слова, так и архаизмы, входящие в изоглоссные зоны. Последние, как известно, приобретают все большую значимость в уяснении процессов, связанных с формированием праславянских и древнерусских диалектных границ.

Определенный интерес с этой точки зрения представляет и архаическая лексика рязанских говоров. Не случайно рязанские диалектизмы все чаще привлекаются и рассматриваются специально в этимологических работах³.

Предлагаемой заметкой мы продолжаем публикацию своих материалов по этимологии рязанской лексики⁴.

неткиголовки

В Деулинском словаре приводится (только во множественном числе) любопытное сложное слово *неткиголовки* с не вполне определенной расшифровкой значения: 'о чем-л. самом лучшем' (341). Из примеров, однако, следует, что слово используется в говоре как средство высокой положительной оценки по отношению к домашним животным, отличающимся высокой продуктивностью: о корове, дающей много молока (. . . самые *неткигалофки* многа малака дають); о лучших поросятах или свиньях, дающих лучший приплод (. . . иль свинья какая *неткигалофки* просят хороших апрасила). Другими региональными словарями не отмечено.

Вторая часть этого образования прозрачна: уменьшительно-ласкательная форма *головка* может выступать в народном словаре со значением 'что-либо лучшее, отборное, высококачественное' (Филин 6, 306). Первая часть на материале русской лексики не этимологизируется. Между тем изолированность, семантическая неопределенность, утрата формы единственного числа — все это свидетельствует о реликтовом характере элемента *нетки*. Отсутствие соединительного гласного позволяет квалифицировать *неткиголовки* как сращение двух существительных в результате деэтимологизации первого слова.

Представляется возможным связать ряз. *нетки* (в единственном числе **нетка*?) с сербохорватскими глаголами ряда *-nijeti* (ср. *zàni-*

jeti 'понести, забеременеть'), которые О. Н. Трубачев рассматривает как отражение древнего супплетивизма глагольной парадигмы для значения 'нести' и на основе сближения с др.-инд. *náyati* 'вести', авест. *naueiti* 'приносить', др.-перс. *a-naua* 'вел, принесил', ср.-перс. *nitan* 'вести, гнать', хетт. *nāi-* 'направлять, вести' — возводит через праслав. **něti* 'нести, приносить' к и.-е. корню **nai-* (или **noi-*)⁵.

В этой связи более раннюю форму рязанского *нетка* можно представить в виде *нѣтѣка* и истолковать темное слово как образование от причастия **ně-tъ* при глаголе **něti*, который уже в праславянском, по-видимому, развил дополнительное узкое значение 'приносить потомство'. В таком случае существительное *нетка* (а может быть, и прилагательное *неткий*) первоначально обозначало 'приносящий, -ая потомство; дающий, -ая продукт (о животном)'. Ср. *чуткий* имеющий острый слух, хорошо слышащий' и *чути* 'слышать'.

Мотивированное глагольной основой значение 'приносящий' развивалось далее, как можно предположить, по схеме: 'приносящий потомство' > 'дающий хороший приплод (о животном)' > 'высокопродуктивный; племенной (о скоте)' > 'лучший (о скоте)'. Оценочное значение по мере архаизации и деэтимологизации образования *нетки* было усилено сочетанием его с другим словом — *головки*. Поучительным примером для понимания семантических истоков образования *нетка* может служить вовлечение в круг лексики, характеризующей продуктивные качества птицы, глагола *нести* и производных (*нестишь*, *несушка*, *неская* 'дающая много яиц').

Если предложенное по поводу рязанского *неткиголовки* объяснение окажется верным, то праславянская реконструкция **něti* 'нести, приносить', опирающаяся на факты только сербохорватского языка, получит новое подтверждение.

зыбо

В говорах Захаровского района Рязанской области широко бытует предикативное наречие *зыбо*, обозначающее состояние недоброжелательного беспокойства и выступая в качестве эмоционально-окрашенного синонима к *завидно*, *нелюбо*, *немило*. Примеры: Свекры мене любить, а ей *зыба*, зло разбирать; Ну што табе *зыба*, што ани ка мне ездють; Люди есть такая плахия — у каво чё харашо, а йим *зыба*. В Деулинском словаре *зыбо* не зарегистрировано специально, но с тем же значением встречается в контексте при слове *лихостно* (нареч. к *лихостный* 'злой, недоброжелательный, злопамятный'), ср.: . . . при сильной брани: *зыба*, *зыба!* Што лихасно. *Зыба* тае! (277). За пределами рязанских говоров это слово как будто не прослеживается и принадлежит к локальной рязанской лексике, хотя вряд ли является местным новообразованием. В данном случае интересны и семантика, и формальные показатели слова.

Несмотря на специфичность значения, *зыбо*, по всей вероятности, вышло из праславянского **zyb-*, послужившего базой целого гнезда лексики (преимущественно восточнославянской), которая отражает в своей семантике идею колебания: ст.-слав. и др.-рус. *зыбати*

‘колебать, трясти’, русск. *зыбь* ‘трясина’, *зыбкий* ‘колеблющийся, шаткий’, *зыбка* ‘колыбель’ и т. д.

Трудный в этимологическом отношении, этот праслав. корень интересно объяснила Сараджева Л. А. через сближение с др.-арм. *сир/р* ‘зыбь’ и возведение к общей и.-е. основе **ǵey-b-/ǵū-b-* ‘качаться, колебаться’, возможно, связанной далее с исходным и.-е. корнем **ǵey-/ǵeyā-* ‘двигать, быть в движении’ (др.-инд. *jāvati* ‘спешить’, н.-перс. *zūd* ‘скоро’, авест. *zāvare* ‘сила’)⁶. Она обратила внимание и на сходные особенности семантического развития этого корня в древнеармянском и древнерусском — переход из «сферы материальных процессов» к «сфере человеческой психики», ср. др.-арм. *сир/р* также ‘внутреннее смятение, волнение’ (V в.) и др.-русск. *зыбежь* ‘смятение, возмущение’: На *зыбежи* суть и готови народи граднии (Срезневский, I, ст. 1009, XV в.). Эти факты весьма примечательны для объяснения ряз. *зыбо*, в семантике которого отчетливо вырисовывается один из оттенков того же вторичного, переносного значения. Актуальность семантической модели ‘колебание’ (физическое состояние) → ‘волнение’ (психическое состояние) для разных этапов истории русского языка подтверждается семантической историей книжных слов *волнение*, *потрясение* и семантической мотивацией новейших жаргонизмов типа *колыхать(ся)* ‘волновать(ся), беспокоить(ся)’.

Формальные признаки диалектизма *зыбо* (наречие) заставляют предположить в качестве производящей основы несохранившееся прилагательное **зыбъ*, **зыбий*, употреблявшееся с тем же значением, что и вариант *зыбкий* (ср. *слабый*=диал. *слабкий*). Если это так, то такая архаическая особенность, как неосложненность основы, может свидетельствовать о глубоком, праславянском происхождении прилагательного (**zybъ(jь)*).

¹ Варбот Ж. Ж. Заметки по этимологии русской диалектной лексики (на материале словаря д. Деулино). — В кн.: Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977, 255 и сл.

² Меркулова В. А. Некоторые проблемы лингвистической географии в связи с этимологией. — ZFSI, 24, 1, 1979, 89.

³ Кроме упомянутой работы Варбот Ж. Ж., где рассмотрены рязанские архаизмы *тысяться*, *плено*, *сбрысить*, *уровище*, *полода*, *паскаль*, можно указать, например, на этимологическое истолкование рязанского (XVI в.) реликтового образования *яворъ* (Трубачев О. И. Из праславянского словообразования: именные сложения с приставкой *a-*. — В кн.: Проблемы истории и диалектологии славянских языков. М., 1971, 271), слов *камень*, *скаmezливый* (Варбот Ж. Ж. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. III. — В кн.: Этимология. 1973, М., 1975, 28), *дрепать* (Куркина Л. В. Славянские этимологии. III. — В кн.: Этимология. 1973, М., 1975, 40), *оскредок* (Меркулова В. А. Украинские этимологии. I. — В кн.: Этимология. 1973, М., 1975, 57) и др.

⁴ См. Чумакова Ю. П. К этимологии некоторых диалектных слов в поэзии С. Есенина. — В кн.: Исследования по семантике, Уфа, 1980; Она же: Прилагательные со значением ‘очень похожий’ в русских (рязанских) говорах. — В кн.: Исследования по семантике. Уфа, 1983.

- ⁵ Трубачев О. И. Об одном случае глагольного супплетивизма: Праслав. **-něti* 'нести, приносить'. — В кн.: В чест на академия Владимир Георгиев. Езикo-ведски проучвания по случай седемдесет години от рождението му. София, 1980, 273—274.
- ⁶ Известные в болгарском языке аористные формы типа *донех, занех*, по-видимому, не могут быть включены в эту группу как не отражающие последовательного корневого *e* и допускающие иное истолкование. См. об этом: Венедиктов Г. К. О «следах» старого сигматического аориста в современном болгарском языке. — ВЯ, 5, 1957, 60—68.
- ⁷ Сараджева Л. А. К этимологии праславянской основы **zybь* и древнеармянского *сир/р* 'зыбь'. — В кн.: Этимология. 1976, М., 1978, 64—66.

Г. Ф. Одинцов

К ИСТОРИИ ДР.-РУС. *мечь*. I

В настоящей статье рассмотрен вопрос лишь о древнейшей истории и этимологии основного древнерусского оружейного термина *мечь*.

Прежде чем обратиться непосредственно к этому термину, отметим его древний исконный синоним **сѣчь* (от глаг. **сѣk-ti*), не обнаруженный как название меча ни в одном из славянских языков и не встречающийся в сохранившихся до нового времени восточнославянских рукописях, но давший древнерусское производное — прилаг. *сѣчными* 'относящийся к мечу': Сѣчеса со Излемъ і изби га Изль сѣчемъ сѣчнымъ (ἐπάταξεν αὐτὸν Ἰσραὴλ φόνον μαχαίρας percussit eum . . . nese gladii). Числ. XXI. 23—24 по сп. XIV в. (Срезневский III, 905—906). Исходя из этого контекста, где словоформа *сѣчнымъ* соответствует греческой *μαχαίρας* и латинской *gladii*, И. И. Срезневский справедливо реконструирует исконное др.-рус. слово **сѣчь* 'меч', приводя и иные значения этого существительного, иллюстрируемые цитатами. Другие контексты, где *сѣчными* означало бы 'относящийся к мечу', неизвестны, и это указывает как будто на редкость употребления восточнославянского слова **сѣчь* 'меч', возможно, ставшего архаизмом уже в самый древний письменный период истории русского языка; недаром слово представлено в библейском тексте, который вообще наилучшим образом сохранял архаические явления языка. Об исчезновении следов этого термина к XVI в., вероятно, можно судить по замене прилагательного *сѣчными* на *мечными* в практически том же самом контексте, который мы обнаружили в одном из списков Пятикнижия Моисея: ѿ ѿзби ѿ / ѿиль сечемъ мечнымъ (Числа. 6, л. 362)¹.

Трудно сказать, можно ли связывать с появлением исконного термина **сѣчь* 'меч', так и не удержавшегося, впрочем, в употреблении, появление в XI в. в Киевской Руси мечей отечественного производства (ср. кириллическую надпись кокала ѿдота на клинке фощеватовского меча, найденного недалеко от Киева)². В связи с реконструкцией **сѣчь* 'меч' любопытно старорусское однокоренное с ним